

УДК 008(470.1/.2)(082)
ББК 71(211)я43

Ответственные редакторы:
доктор философских наук, профессор Н. М. Теребихин
доктор культурологии, профессор Л. Д. Попова

Семиотическая панорама геокультурного наследия Русского Севера—родины М. В. Ломоносова = Semiotic panorama of the geocultural heritage of the Russian North—motherland of M. V. Lomonosov : сборник научных статей и материалов / Министерство образования и науки Архангельской области, Научно-образовательный центр «Ломоносовский дом» [и др.] ; ответственный редактор: Н. М. Теребихин, Л. Д. Попова. — Архангельск : Антонова М. М. : Межрегиональный общественный Ломоносовский фонд : Научно-образовательный центр «Ломоносовский дом», 2023. — 339 с. : ил. — (Поморские чтения по семиотике культуры ; вып. 11). — В надзаг. также: Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени Н. П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Центр сравнительного религиоведения и этносемиотики. — Библиогр. в конце ст. — Издано в авторской редакции. — ISBN 978-5-6049134-2-0. — [КН-Э-23-026558]

Основу содержания сборника «Семиотическая панорама культурного наследия локальных и этнических сообществ Русского Севера и Русской Арктики – Родины М. В. Ломоносова» составили труды и материалы научных мероприятий, проводимых в рамках Поморских чтений по семиотике культуры.

В сборнике представлен комплекс проблемно-тематических блоков, связанных с дисциплинарными полями археологии, истории, этнологии, истории Русской православной церкви, гуманитарной географии, лингвокультурологии, религиоведения. Книга предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей, краеведов, специалистов в области изучения и сохранения нематериального культурного наследия народов Северной России.

УДК 008(470.1/.2)(082)
ББК 71(211)я43

Минимальные системные требования:

ПК на базе Pentium IV и выше.

ОС: Windows XP и выше.

Веб-браузер: Google Chrome, Internet Explorer

ISBN 978-5-6049134-2-0

© Н. М. Теребихин, Л. Д. Попова,
составление, 2023

© НОЦ «Ломоносовский дом», 2023

© ИП Антонова М. М., 2023

3. Историко-культурное наследие и современность

М. Н. Мелютина

ПРОЧТЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ СЕВЕРНОРУССКОГО МОРСКОГО ЛАНДШАФТА СРЕДСТВАМИ МУЗЕЙНОГО ЭКСПОНИРОВАНИЯ*

Научная интерпретация памятников материальной и нематериальной культуры с целью их репрезентации в музейных и выставочных пространствах является актуальной как для мирового, так и российского музейных сообществ. Разнообразие и уникальность экспозиционных концепций позволяет подчеркнуть индивидуальность территорий, культур, личностей и т. д.

Определение экспозиционных тем, которые дают возможность представить в предметно-пространственной среде музея ценности севернорусского морского ландшафта, позволили нам разработать концептуальную идею музейного зала в визит-центре национального парка «Онежское Поморье» в деревне Лопшеньге.

Проектная идея музейного зала в визит-центре национального парка «Онежское Поморье» (вариант названия «Атлас Лопшеньги») связана с конструированием сюжета образа места деревни Лопшеньги, где и будет располагаться музей. Экспозиция-диалог, основанная на артефактах, цитатах из материалов ученых, произведений писателей, устных историй коренного населения, подчинена задаче не хронологической регистрации исторического прошлого конкретного ареала, а к стремлению посетителей к прочтению, в высшем понимании – постижению духовных ценностей территории, способных оказать влияние на умонастроение современного человека локального, национального и международного сообществ.

Название музейного зала «атлас» трактуется авторами экспозиции в значении слова – книга, альбом, систематическое собрание рисунков, фотографий, таблиц с пояснительным текстом, иллюстрирующих сведения из определенной области знания. Существуют зоологический, статистический, анатомический, исторический и другие атласы. Предлагаемый вариант экс-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и правительства Архангельской области (проект № 18-411-292001 р_мк).

позиции можно отнести к типу атласа крестьянской жизни поморской деревни Лопшеньги, вследствие географической изолированности которой ее почти не затронули миграционные процессы и индустриализация, в ней постоянно продолжает жить коренное население. В рамках последующей реализации проекта название музейного зала изменилось. Музей имеет название «Дом на восьми ветрах».

Деревня Лопшеньга расположена на самом берегу Белого моря, и эта географическая особенность может стать ведущей линией в разработке дизайн-макета экспозиции. Художественное проектирование возможно выполнить таким образом, чтобы посетитель осознал, что он находится на берегу моря. В зависимости от содержания тематической зоны цветовое решение на стенах зала может меняться и создавать ощущение морского пространства, окружающего человека. Об удивительном Белом море и северном небе, насыщенном сложнейшими цветовыми оттенками, писал священник Павел Флоренский: «Я не мог оторваться от изумительного богатства цветовых тонов на небе: пурпур, фиолетовые, сиреневые, розовые, оранжевые, золотистые, серые, багровые, голубые, зеленовато-голубые и белые цвета играли на небе, перерезанном длинными тонкими слоистыми облаками фиолетового тона <...>, бледная луна и пышное заходящее и почти не способное зайти солнце. Пышность Клод Лоррена, но богатство и разнообразие тонов гораздо большие, чем у него» [Флоренский, 2004: 160]. Дополнить экспозиционное «береговое пространство» могут напольные и настенные стеклянные витрины, схожие по форме с валунами или выброшенным на землю морем.

По точному замечанию французского философа Жана-Поля Сартра, «прошлое – это роскошь собственника» [Сартр, 2000: 82], поэтому эпиграфом к музейному залу предлагаются слова писателя М. М. Пришвина, посетившего Лопшеньгу в 1907 г.: «Как мне хотелось пешком обойти всю родину и открыть в ней какую-то неведомую жизнь» [Пришвин, 1982: 211].

Экспозиция предполагает систему связанных между собой смысловых зон. Первая экспозиционная зона «Почему “Лопшеньга”?» посвящена теме освоения территории и представляет деревню Лопшеньгу как место древнейших контактов рыболовов-охотников – северно-карельских финно-угров и потеснившего их славянского населения. Берега Белого моря в Средние века имели значение развитого промыслового района с проживающими здесь выходцами из Сибири и Урала, Каргополя, Новгорода, Пинеги и других поселений Московской Руси.

Карта-схема России XIX в., на которой выделены Онежский полуостров, территория деревни Лопшеньги и окрестностей (с отмеченными местами поселений финно-угров и славян), наряду с археологическими артефактами, может выступать в качестве важного информационного обеспечения этой темы.

Неожиданным для посетителей может стать дискуссионное представление материала с точки зрения разных исследователей. Например, мнения топонимистов и археологов разнятся в том, каким путем проникали племена на эту территорию. Нерусские названия фиксируются в основном по морскому побережью, что наводит на мысль о проникновении различных этнических групп на Онежский полуостров не из глубин материка, а морским путем. В то же время археологические исследования приводят к выводам о появлении первых охотников и рыбаков здесь с территории Волжско-Камского бассейна¹.

Ко времени освоения территории протосаамскими племенами, мигрировавшими из Западной Сибири и Урала примерно 13 тысяч лет назад, по мнению ученых, относится топоним «Лопшеньга» [Матвеев, 1969а; Матвеев, 1969б]. Однозначного толкования этого слова пока не существует, субстратная топонимия Летнего берега представляет наибольшую сложность в плане этимологической интерпретации, большая часть названий остается невыясненной.

Информация, расположенная в экспозиции и маркированная условным знаком, например «Спорно», должна включать не только мнения ученых, но и легенды, записанные у коренных жителей. По одной из них, название поселения дали лопари: «Бат, лопари жили, оне по себе и назвали» [Кабинина, 2011: 159]. Исследователь субстратной топонимии Архангельского Поморья Н. В. Кабинина отмечает, что «присутствие в этой зоне лопи (саамов) вполне вероятно, однако связать название *Лопшеньга* с этнонимом *лопь* (прибалт.-фин. *lappi*) затруднительно по фонетико-морфологическим причинам. На наш взгляд, это название действительно саамское, но к этнониму *лопь* / *lappi* отношения не имеет. Основу топонима, скорее, следует сопоставить с диминутивной формой от саама. патс. *Ljõ ppA*, нотоз. *Ljõ ppA* 'конец', ср. патс. *luopp ž*, сонг. *люптаž*' (dem.) – буквально 'кончик'. Подобный способ номинации ручьев и малых речек (длина р. Лопшеньги около 20 км) известен в Поморье и по другим примерам – в русской традиции взгляду саамских номинаторов соответствует термин *вершина*, обозначающий исток реки, иногда — небольшую речку, ручей, овраг. В связи с этим показательно, что р. Лопшеньга вытекает из озер *Вершинские*» [Кабинина, 2011: 159–160].

У коренных лопшарей передается из уст в уста и другая легенда, связанная с происхождением названия деревни. Во время своего второго приезда в Архангельск в 1694 г. царь Петр I отправился на Соловки и, попав в сильный шторм, оказался в Пертоминске, который, по мнению жителей, находится

¹ Минаева Т. С. Научный отчет «История освоения и развития территории Онежского полуострова, входящей в состав национального парка «Онежское Поморье»» 2018 г.: рукопись // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 28.

недалеко от Лопшеньги. Легенда гласит: «Якобы зашел царь в одну избу, а там бабка шаньги печет, уже из печи достает их. Государь, указуя на лопату в руках старушки, вопрошает ее: “А это что?” Она отвечает, что, мол, лопата; а Петр, глядя на шаньжки, вновь спрашивает, что это; та отвечает, что это – шаньга. Вот тогда государь якобы произнес такие слова: “Ну, зватья вашей деревне Лопшеньга!”»¹

В ключевом вопросе «Когда появилось постоянное население?» исследования историков сходятся в том, что местными жителями становились работники («полетники») в усольях и промысловых вотчинах монастырей, жившие там в одиночку или с семьями и приезжавшие из разных районов Русского государства [Савич, 1921: 110–111; Бернштам, 1988]. Поселенцы создавали «верхние» и «нижние» («зимние» и «летние») места проживания, летом живя ближе к морю, чтобы рыбачить и ловить зверя, а зимой уходя в глубь полуострова, к постоянному жилью. Доказательством этого факта служит стоянка, обозначенная как «верхнее» или «зимнее» поселение, открытая археологом А. Я. Брюсовым в 1927 г. [Брюсов, 1928: 4]. Постепенно жители Лопшеньги перестали возвращаться зимой в «верхнее» селение и окончательно обосновались на морском побережье. Информация о существовании «верхнего поселения» хорошо сохранилась и в устных историях местного населения².

Во второй экспозиционной зоне «*Море богаче земли*», посвященной рыболовецкому и зверобойному промыслам деревни Лопшеньги, предлагается раскрытие нескольких важных тем.

Человек и предметный мир Лопшеньги глубоко связаны с морем, и прежде всего с его ресурсами. Промысловые тони, где поморы ловили рыбу, первоначально включали в себя не только морской участок, но и ограниченную территорию промыслового леса³. Тони закреплялись за какой-либо общиной (деревней), семьей или одним хозяином – крестьянином или монастырем. В окрестностях деревни Лопшеньги в определенное время тони принадлежали Троице-Сергиеву, Кирилло-Белозерскому, Спасо-Прилуцкому, Николо-Корельскому, Соловецкому, Антониево-Сийскому монастырям и Холмогорскому Архиерейскому дому⁴. Как временные поселения, они имели необходимую инфраструктуру для жизни и деятельности: избышки,

¹ Деревня Лопшеньга [Электронный ресурс]. – URL: <http://onpromor.ru/derevnya-lopshenga.php> (дата обращения: 09.12.2018).

² Харитонов Я. Э. Научные справки для экскурсионного маршрута по деревне Лопшеньге: рукопись // Научный архив ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”».

³ Алексеева Я. И. Научный отчет «История рыбных и морских звериных промыслов деревень Лямца, Пушлахта, Летняя Золотица, Летний Наволок, Лопшеньга, Яреньга, Уна, Луда, пос. Пертоминск (XV в. – 1920-е гг.): рукопись. 2017 г. // Научный архив ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”». Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 14.

⁴ Харитонов Я. Э. Указ. соч.

склады, ледники, судна, причалы. Часто на тоне рыбаки сооружали поклонные кресты, а иногда ставили и тоневые часовни. Одна из таких часовен, в честь преподобномученицы Евдокии Илиопольской, находилась в четырех верстах от Лопшеньгской церкви⁵.

Рыболовной тоне, как древнейшему (слово фиксируется примерно с 1147 г.) и важнейшему объекту поморского поселения, можно посвятить первую тему экспозиционной зоны «Море богаче земли». Комплекс строений поморской тони: промысловая изба, поклонный крест, вешала, карбас, склад, ледник, причал и очень древнее сооружение – юрка (для подтягивания невода), исчезнувшая в первой половине XX в., предлагается показать в варианте макета. В настенных витринах удачными могут быть «натюрморты» из небольших предметов (игла для шитья сети, удильник, кибас – грузила для невода, кухтыль – стеклянный шар – поплавок к сетям ставного и неводного типов и др.), дополненные фотографиями с изображением этих предметов «в действии». Уместны здесь и интерактивные приемы, с помощью которых можно услышать шум моря с криками чаек или осязать аромат моря и запах свежельвленной рыбы.

Издrevле на каждом отрезке Беломорского побережья водились свои виды рыб. На Кандалакшском берегу, например, промыслили треску, в Унской губе и на Онежском побережье добывали навагу и камбалу. Особенностью рыбного промысла Лопшеньги был лов семги, т. к. она заходила в пределы поселения во время нереста. В начале XX в. на морском берегу в деревне и ее окрестностях насчитывалось больше 30 семужьих тоней. Поморская молитва «*Милосердный батюшка, пошли семушку*» помогала по семь раз в день вытягивать семужьи невода, приносившие «до 70-ти семог на раз»⁶. Старики следили за движением рыбы и щадили ее, если она не была готова к ловле: «...ишо посмотрят, как семга скачет по блинкам, навдоль – ишо мал, в ту пору ей не тянули»⁷.

В качестве информационного материала в этом тематическом разделе полезными будут интересные научные факты о семге, устные истории коренных жителей о семужьем промысле, а также особые рецепты засолки рыбы с добавлением специй и корицы, использующиеся в работе Лопшеньгского рыбоприемного пункта Архангельского рыбокомбината. Экспонатами здесь могут служить корзина для переноса семги, бочка для засола рыбы (которую можно использовать как витрину), фотографии, документы рыболовцакого колхоза. В этот же раздел можно включить репродукции работ

⁵ Харитонова Я. Э. Указ. соч.

⁶ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2950. Оп. 1. Д. 127. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 5.

живописца В. В. Рождественского (1884–1963) с изображением портретов рыбаков и рыбачек Лопшеньги. Художник является и автором книги, в которой он описал свои встречи с жителями деревни [*Рождественский*, 1963: 170–171]. Цитаты из этого текста дополняют материалы темы и помогут посетителям в прочтении образов поморов.

Особенностью рыбного промысла было участие в нем женщин, занимающихся подтягиванием невода на тони. Во время простоя – «сидения» женщины вышивали, вязали, а иногда и рожали на этих временных поселениях. «У меня Александр был принесен на тони», – рассказывала Олена Романовна Федотова этнографу Н. И. Рождественской¹.

Включение «изготовленного на тони» вышитого полотенца в экспозиционный ряд брутальных поморских предметов позволит внести неожиданный, но тематически оправданный компонент в завершение раздела, посвященного рыбному промыслу.

Следующая тема зоны «Море богаче земли» – «Промысел морских млекопитающих» – имела две разновидности – весновальный промысел, когда промышленники уходили на Мурман добывать гренландского тюленя (*зверья тюленя «фараонова сила» век зовут*)², и «домашний» – промысел нерпы, белухи и морского зайца на тонях недалеко от лопшеньгского побережья. По воспоминаниям уроженки Лопшеньги Акимья Семеновны Майзеровой, «в июле месяце «Кириллова память», вся деревня в ту пору белух ловила. Бывало, что по 100 человек ездили раз-два и больше. Они заходят уромами, так и забелеют, как покойники, а цуханья у них, головы вздымут да как фыркнут, дак страсть – будто кони»³.

Промышленники работали группами, несколько небольших артелей объединялись в крупную структуру – «ромшу». Подготовка зверобоев к отъезду сопровождалась длительными сборами: «Женки рубах накладывают, и цулков накладывают трое-четверо, да ишто верхоньки кожаны (поверх рукавиц), кафтаны натканы положат, шубы, ровгу (одеяло) из овчины положат. Женки все и складывают в кису – штобы не промокало (мешок из тюленьей кожи)» (Акимья Семеновна Майзерова)⁴.

Промысел на тюленя начинался в середине февраля и заканчивался в середине или конце мая. Поморы наряду со взрослыми самцами-лысунами и самками добывали и молодых животных – серунов, серок и бельков. По рассказам опытных стариков известно, что «к трем святителям» (12 февраля) бельки родятся, детки звериные» [*Пришвин*, 1982: 226].

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2950. Оп. 1. Д. 127.

² Там же. Л. 22.

³ Там же. Л. 12.

⁴ Там же. Л. 13.

В этом разделе интересным информационным сопровождением для посетителей будут научные факты о гренландском тюлене, нерпе, белухе и морском зайце. Включить посетителей в исторический, психологический и нравственный контекст промысла на морских млекопитающих поможет и видеосюжет с рассказом (в актерском исполнении) старика-юровщика, главы артели «ромшей», подготовленный на основе произведения М. М. Пришвина «За волшебным колобком».

На дрейфующих льдинах и на островах охотники в свободное время, неделями ожидая морских зверей, занимались ювелирной по технике исполнения, мелкоузорной резьбой по дереву. По старинному обычаю каждый из них с весновального промысла в подарок жене или дочери должен был привезти узорную прялку или рубель, а детям – массивные резные коники и куклы-панки [Мальцев, 2011: 41–42].

Артель «ромшей» иногда брала в свой коллектив исполнителя былин, сказок, промысловых бывальщин, который помогал коротать время. Одним их известных сказочников Лопшеньги был Николай Нестерович Петров, получивший за ловкость в зверобойной охоте прозвище Фараон⁵. Память об этом лопшаре до сих пор хранят жители деревни.

Основным продуктом зверобойного промысла было вытопленное сало (ворвань, ворванное сало), которое использовали для личных нужд и продажи. В Лопшеньге до сих пор сохранилось название одной из тоней, где вытапливали сало, – «Сальница». Сало вытапливали в ямах, расположенных на берегу, а затем отвозили в Архангельск, откуда отправляли на экспорт.

Вторым по значимости продуктом зверобойного промысла была кожа, из которой шили обувь, рукавицы и одежду. Из нерпичьей кожи делали обувь, рукавицы. Кожа морского зайца шла на изготовление подошв. Из тюленей кожи шили мужские сапоги-бахилы и женские низкие ботиночки-ступни.

Экспозиционными материалами в этом тематическом разделе могут быть фотографии с изображением промысловиков, гарпун для охоты на морского зверя, поморские козули, которые брали с собой промышленники вместо хлеба, и другие предметы промысла. Здесь же предлагается показать резные поморские прялки, коники, куклы-панки как свидетельства тонкой работы поморов и памятного подарка отца, мужа, брата или жениха⁶.

Включение следующего тематического раздела «Кто в море не бывал, тот Богу не молился» в экспозиционную зону «Море богаче земли» позволит

⁵ РГАЛИ. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 127. Л. 22.

⁶ Мелютин М. Н., Харитонов Я. Э. Этнографическая экспедиция в д. Лопшеньга. 2018 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kenozero.ru/o-parke/materialy/novosti/starinnye-reznye-pryalki-raspisnoy-sunduk-turachka-i-polotentse-iz-derevni-lopshengi/?sphrase_id=3307 (дата обращения: 09.12.2018).

раскрыть морально-этические скрепы поморской жизни. «Север – это пространство, которое не предназначено для сытой, самодовольной “экономической” жизни стяжания и собственнических интересов. Это пространство испытания крепости веры, самостояния человека, его духовных самополаганий», – пишет Н. М. Терехин [Терехин, 2004: 47]. В экспозиции предполагается демонстрация цитат (они могут быть показаны на медиаэкране выплывающими окнами) из текстов историков, философов, писателей, стержнем которых является мысль о том, что «море – это пространство, где испытываются не физические качества человека, а его духовно-нравственные основы» [Терехин, 2004: 47]. Бытие в пространстве моря значительно опаснее, чем на земле, поэтому особой темой является отношение поморов к смерти: «От смерти не отмолишься, море возьмет, никого не спросит», «Приходит смертный час на море, а навечно лежать в землю тянет», – говорили поморы [Гемп, 1983: 161]. В этом разделе важно послушать аудиозапись поморского «ожиданьца» – молитвы-мольбы к морю, исполняемой женщинами при долгом невозвращении промысловиков, а также трагический по содержанию плач по утонувшему сыну «И потеряла я своего дитя сердечного»¹.

Воплощением судьбы помора выступает ветер [Терехин, 2004: 9]. «Дай поветерь» – с такими словами обращались к Богу моряки. В мифологической розе ветров «обеденник хороший ветер, у него жена красивая; к вечеру стихает. Полуночник – тот злой: как начался, так и не стихнет. Шалонник – ярой: тот на море разбойник. Сток – ветер широкий, подтихает, как на солнце придет. Вот и все наши ветры» [Пришвин, 1982: 218–219]. В записанных «ожиданьцах» содержится целый спектр мифологизированных описаний ветров [Терехин, 2004: 9]. С судьбой человека на море связана и поморская метеорология: «По льву гром гремит, море богато будет», – говорила уроженка Лопшеньги Мария Ивановна². Визуальным рядом в этой части экспозиции могут выступать копии старинных рисованных карт с изображением ветров.

Все стороны севернорусской морской культуры пронизывает культ Николая – морского бога. Обращения поморов к главному богу из пантеона святых нашло свое предметное воплощение в иконах с образом св. Николая; медной пластике; книге с текстом стиха «О Николае Морском» (записанном Б. Шергиным [Шергин, 1990: 418], молитвослове с молитвой св. Николаю о спасении на море и др. К. П. Гемп в книге «Сказ о Севере» опубликовала примечательный рассказ о четырехлетнем паломничестве в г. Бари на могилу Николая Мирликийского крестьянки из деревни Чуболы. Вероятно, это

¹ РГАЛИ. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 127.

² Там же.

был не единичный случай, поэтому фрагмент этого рассказа возможно также поместить в экспозицию [Гемп, 1983: 221–222].

Обязательным компонентом севернорусского морского ландшафта являлся поклонный крест («Крест благословляет море»). Кресты сооружали в память о спасении, о благословении на промысел, ставили на тонях, морских берегах и т. д. Для экспозиции было бы удачно найти фрагмент старого креста или показать фотографии с изображением поклонных крестов.

«Как мера и красота скажут» – эта известная поговорка может обозначить следующую экспозиционную зону, посвященную культовой и гражданской архитектуре поселения. Цитата из рассказа писателя Ю. П. Казакова замечательно раскрывает эту тему: «Избы стоят как корабли на покое, все они повернуты на море. В домах пахнет еще морем: рыбой, сухими водорослями, старыми сетями, сапогами. Мне всегда хотелось пожить в деревнях – местах исконных русских поселений, в местах, где жизнь идет не на скорую руку, а постоянная, столетняя, где людей привязывает к дому семья, дети, хозяйство, рождение, привычный наследственный труд и кресты на могилах отцов и дедов [Казаков, 1986: 466].

Экспозиционным рядом здесь могут быть фотографии Лопшеньги начала XX в.,³ графическая реконструкция деревни (выполненная по образцу планов деревень XIX в.), с указанием владельческих домов и общественных хозяйственных объектов – мельниц, кузниц и др., а также предметы домашнего быта лопшарей: дверная пята, детали ткацкого стана, «ручка» для сбора ягод с резным декором и другие вещи.

Традиционная праздничная обрядность жителей Лопшеньги связана с православным календарем. Однако не менее важным являлся для поморов промысловый календарь, регламентировавший жизнь человека по заходу рыбы и морского зверя в места лова. Значимыми были дни Николы зимнего и Василия Великого, когда начинался подледный лов наваги, Рождества и Крещения Господня, сопряженных с путиной сельди, Сретения, с началом которого открывался промысел белух. «Вот эдак-то вот мы и ловим белуху по летам, три недели в Петровом посту (с Прокофья косить начинаем), за три недели перед Ильиным днем, дело-то и идет у нас ровно, и плеч-то наших не давит, не тяготит» – это поморское свидетельство записал исследователь С. В. Максимов [Максимов, 1984: 70].

Благословение на промыслы лопшари получали у священников в церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы (1844 г., в 1984 г. обветшавший

³ Мелютин М. Н., Зверева Ю. Д. Научный отчет «Историко-архивные изыскания по теме: "Фотографии Летнего и Онежского берегов Белого моря в собрании Российского этнографического музея": рукопись. 2018 г. // Научный архив ФГБУ «Национальный парк "Кенозерский"». Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 27.

храм разобрали). По архивным документам известно, что ранние храмы в Лопшеньге были построены в XVII и XVIII столетиях¹.

По причине удаленности и труднодоступности деревни традиционный религиозный уклад сохранялся здесь до 70-х гг. XX в. В Лопшеньге, в отличие от других поселений Онежского полуострова, благодаря инициативе ее уроженца П. Г. Поздеева, вновь была построена церковь с посвящением апостолам Петру и Павлу (2009 г.), где возобновлены богослужения, и местные жители постепенно возвращают в храм сохраненные старинные иконы.

В экспозиционной зоне «Как мера и красота скажут» можно показать макет Лопшеньгской церкви XIX в., изготовленный по сохранившейся фотографии, копии архивных церковных документов, фотографию одного из священников – Павла Василевского. Здесь важно расположить информацию о церковном причте и последнем священнике – Александре Алексеевиче Щеколдине (служил до 1937 г.), разделившем судьбу многих репрессированных священнослужителей нашей страны².

Особое место в традиционном укладе жителей морского побережья занимает тема «Женщина в поморской семье». В следующей экспозиционной зоне «Женка» («Всю жизнь не перескажешь...») структурно выделим несколько тематических разделов жизненного цикла женщины: «Девка», «Молодица», «Женка», «Бабушка». Своеобразную хронику жизни поморской женщины возможно проиллюстрировать рассказами местных жителей, записанными собирателями в разные годы. В качестве оформления в разделах хроники могут быть маленькие сундучки (стеклянные) с текстами рассказов (т. к. старые документы поморки хранили в сундуках). В экспозицию необходимо также ввести предметы, поддерживающие каждую из локальных тем.

В этом разделе интересен будет экспозиционный прием, позволяющий воспроизвести сцену вечерки с определением посадочных мест на лавках для девушек. Обычай занимать места по богатству на девичьих вечеринках в Лопшеньге описан следующим образом: «Ни боже мой, чтобы богачка села ниже <...> У Лукичны было три дочери. Старшая-то сидела на передней (лавке. – М. М.), первая от большого угла, вторая-то по боковой лавке: это она так уж из чести села, сама, все даки ведь стыдно – и другим хорошее место надо, а третья маленькая была, такие-то у нас еще не сидели. Первая вышла замуж – вторая заняла ее место, а потом третья уж на боковой сидела. И вторая вышла. Третья заняла ее место, опять на передней лавке. <...> Вот если гости нам на беседках, хоть из чужой деревни, – сами хоть и богаты, а все ниже сядут, а гостей, хотя и бедны, садили в большой угол, всех посадят³.

¹ Харитонова Я. Э. Указ. соч.

² Там же.

³ РГАЛИ. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 121. Л. 7–8.

Татьяна Никифоровна Петрова рассказывает о девичьих гуляньях: «В Лопшеньге гора была. В праздничную пору народу собиралось. Первый круг на три конца, потом стенками, потом пойдут улицей, четвертая игра на три круга: один круг девицы, другой – молодцы, еще наперекрес ходили. А в конце заговенья на горках катались с песнями, на санках»⁴. Гулянья в Лопшеньге живописно изобразил и писатель М. М. Пришвин: «Повыше этого дома, на самой вершине угора, девушки водят хоровод, поют песни, сверкают золотистыми, блестящими одеждами. Совсем как на картинках, где изображают яркими красками древнюю Русь, какую никто никогда не видел и не верит, что она такая. Как в сказках, которые я записываю здесь со слов народа. Наверху мелькают девушки своими белыми плечами, золотыми шубейками и высокими повязками» [Пришвин, 1982: 157].

В предметный ряд этого раздела могут войти фотографии с изображением девушек в праздничном наряде, резная поморская прялка, веретена, расписной сундук, тканое узорное полотенце и другие предметы, связанные с миром поморской девушки. Следующий статус женщины – молодница – это замужняя женщина до рождения первого ребенка. «В доме мужней семье своей воли у *молодухи* нет», – говорили поморки. [Гемп, 1983: 159]. Татьяна Никифоровна Петрова вспоминала: «Бабушка “молодицюзшкой” звала, любила, а дедушка бранил парато. Поутру встанешь – тут уж деверья распорядок был – хто што робить должен, слушали все. По летам все деверь, а зимой свекрова»⁵.

Воспоминания женщин поддержат фотографии молодых в праздничных и будничных одеждах, предметы бытовой утвари: корыто для квашения капусты с поморским автографом, «турачка» для наматывания нити, сундук, короб лубяной, костюм (домотканая рубаха, платок, рукавицы) и др.

Молодая женщина, родившая ребенка, переходит в статус женки. Это период жизни взрослой женщины, единолично ведущей хозяйство в периоды отъезда мужа на промыслы. «Всякой матери свое дитя мило», – говорили лопшарки. В поморской семье воспитанию детей матери уделяли пристальное внимание: поведение детей во время семейной трапезы, раннее участие в промыслах и другие вопросы имеют здесь свои особенности. Родители старались обучать детей в школе, особенно мальчиков, и в домашних библиотеках хранились книги Пушкина, Некрасова, Гоголя, Жюль Верна [Гемп, 1983: 182], которые покупали в том числе и в лавочке Лопшеньги. Женка держала дом и делилась своим опытом с молодницами. Поэтому здесь уместно показать лопату для вынимания хлеба из печи, полотуху и другие хозяйственные предметы с вырезанными поморскими автографами, а также

⁴ РГАЛИ. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 127. Л. 58.

⁵ Там же. Л. 29.

предмет женских ремесел – ткацкий станок и потаенные тетради «с заговорами». Ниже приведем рассказ лопшарки, представляющий своеобразный распорядок годовых забот женки: «Весной на Белушье ездила белух ловили: уж всякую весну ездила. Потом сеяла, после сева тут отдых сколько-то, картошку садила, за веником. Летом – страдали: ну ведь мужик пошел, и баба пошла: косила, гребла, зароды метала. Отстрадали – ягоды носили, жито выжнем, потом мох драть и картошку копать. С осени назем возим (унаваживали землю перед зимой). А тут и зима придет. Я зиму более в избе: да, пожалуй. И не в избе: за дровами ездила, за сеном тоже. В домохозяйстве все работала, со скотом: скота кормила, обряжала, поутру и ввечеру. Сукна ткала, да рубахи вязала с узоринами. Ой! Все про себя готовила: сарафан, и рукава ткала бумажные и рубахи ткала, вышивала подолы»¹. В этом разделе было бы уместно поместить рецепты особого «поморского харча» [Гемп, 1983: 182].

В Лопшеньге сохранилась необычная история о прилете в 1937 г. аэроплана за роженицей. Местные жители берегут фотографию, сделанную у необычного «ероплана» московским этнографом Н. И. Рождественской. В записях Наталии Ивановны нам удалось обнаружить рассказ молодой женщины, Петровой: <...> доктор, мне рассказал: «Вы, говорит, на аэроплане летели, вы опять на аэроплане полетите, а я: “Нет, боюсь, как полечу!” Я ту ночь прямо не спала, все думала, как я полечу. <...> Потом приехали к аэроплану – повалили туда. Я лежала, а дети (родилось двое детей. – М. М.) у летчика на руках. Полетели – нисколько не страшилась, порато хорошо: как на воде – на взводнях еще песенки попевала <...> Долетели. Несколько раз кругом облетели: отлив морской, а ведь садиться надо, знать куда. Потом сбежался народ, флаги были распущены красные. Сейчас села бы, и куда хочешь, и не побоялась»². Именно в этом разделе возможна сценография «Застолья», демонстрирующая важнейшее событие в жизни женки – «Спроводины». В архиве Н. И. Рождественской мы прочли запись о рекрутском наборе молодых мужчин: «Ранее ведь неделями рекрутили. Тогда угощали родников всех, садили за столы и угощали, – в который день ему отправляться туда, на службу. Сядут по роду: которая родня больше – выше. Есть братья, есть снохи, сестры, зятевья, матушки крестны, деенки – все, все, т-там годы всех собирали. Он тут сидит с родней, угощается, отец тут с ним, а мать в печном углу ревет – сколько может причитает, тут и сестры (если есть) плачут. Со слезами отправка была. Он идет – из каждого дома все выходят, прощаются, старики да старухи и да молодухи и все: “Прости, прости, Семенушко”, а он: “Прощайте”. Тишина-то падет – в лодках все больше

¹ РГАЛИ. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 132. Л. 203.

² Там же. Д. 131. Л. 90–91.

повозят, бывало дак и на конях возили в зимнее время, родители возили до Архангельска»³.

Отношение к старым женщинам – «бабушкам» у поморов было почитательным. Пословица гласит: «Ребят в семье много – опечалуют старость родительскую, не горюем» [Гемп, 1983: 159]. Т. А. Бернштам отметила, что «пожилые еще были вполне трудоспособными, но им уже было отказано в деторождении – либо потому, что с 50 лет считалось «грехом» рожать детей (и даже спать вместе), либо потом, что все их дети вступили в брак» [Бернштам, 1988: 36, 68]. Однако с наступлением социальной и физической неполноценности, близостью к загробному миру стариков и старух наделяли особыми полномочиями в сфере колдовства, знахарства и религиозной жизни⁴. Они были «авторитетными» знахарями, колдунами, повивальными бабками и т. д. Их жалели и уважали: «Мы с бабушкой хорошо жили: она до слепости корову доила, все пекла, варила. А отемнела (ослепла. – М. М.), дак уж, покуль не умерла, я мучничек, житничек, и коврижку и все бабушке показывала, чтобы сырое не испекчи», – рассказывала жительница д. Лопшеньги⁵.

Экспозиционная зона, посвященная роли женщины в укладе жителей морского побережья, позволит на примере предметов, свидетельств, личных историй отдельных людей показать духовно-нравственные основы традиционной поморской семьи. Деревня Лопшеньга, расположенная на берегу Белого моря, стала местом откровения и иного нового мышления для людей творческих профессий: писателей, поэтов, художников. «В жизни каждого человека есть момент, когда он всерьез начинает быть. У меня это случилось на берегу Белого моря», – написал Ю. П. Казаков [Казаков, 2017: 10].

В завершающей экспозиционной зоне «Лопшеньга в судьбе писателей, художников, исследователей» могут быть представлены цитаты из произведений разных авторов.

Литературное освоение Лопшеньги начитается с конца XIX – начала XX в. Исследование С. В. Максимова (1831–1901) «Год на Севере» является самой значимой работой по этнографии Беломорья. Начало восприятия и изображения Севера в мифопоэтическом ключе положил М. М. Пришвин, устремившейся в 1908 г. в Поморье, «за волшебным колобком» [Галимова, 2012]. Свои размышления о поморском менталитете писатель выразил так: «Отчего это северные моряки так непохожи на наших пахарей? Оттого ли,

³ РГАЛИ. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 132. Л. 136.

⁴ Панченко А. А. Образ старости в русской крестьянской культуре // Отечественные записки. – 2005. – № 3 [Электронный ресурс]. – URL: <http://strana-oz.ru/2005/3/obraz-starosti-v-russkoy-krestyanskoj-kulture> (дата обращения: 09.12.2018).

⁵ РГАЛИ. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 132. Л. 204.

что разделенная на мелкие кусочки земля так принижает человека, а неделимое море облагораживает душу, не дробит ее на мелочи? А может быть, потому, что северный народ не знал рабства, что и религия его – большинство их раскольники – не такая, как у нас, за нее они здесь много боролись, даже сжигали себя на кострах» [Пришвин, 1982: 185–186].

Лопшеньга стала местом творческого вдохновения русского художника В. В. Рождественского и его супруги Н. И. Рождественской (путешествовали в 1937–1938 гг.). Василий Васильевич Рождественский (1884–1963) – русский, советский живописец, график, один из ведущих художников 1-й половины XX в. Его произведения «лопшеньгского периода» находятся во многих музейных собраниях, в том числе в Государственной Третьяковской галерее, Государственном Русском музее, Тульском областном художественном музее, ГМО «Художественная культура Русского Севера» (г. Архангельск) и др. Художник является автором мемуарной книги «Записки художника», в которой ярким, образным языком описал встречи с лопшеньгскими рыбаками.

Наталья Ивановна Рождественская (1899–1975) — фольклорист, критик, член Союза писателей СССР, была командирована на Север Комитетом содействия народностям северных окраин при ЦИК СССР для сбора материалов о северных промыслах. Исследовательница записала богатейший материал, она «ходила с местными колхозницами за десятки километров на дальние пожни, часто возвращалась одна по таежным малохоженным тропам, имея при себе пучок соломы и спички на случай встречи с медведем. Она жила с покосницами в лесных избушках, записывала там фольклор, фотографировала» [Рождественский, 1963: 164]. По результатам северных полевых сборов Наталья Ивановна подготовила сборники для публикации. Четыре книги были изданы: «Сказы и сказки Беломорья и Пинежья» (1941) [Сказы, 1941], «О рыбаках, морских зверобоях и охотниках. Народные сказы, сказки, песни и частушки, пословицы» (1952) [Рождественская, 1952], «Русские частушки» (1956) [Русские частушки, 1956], «У Белого моря. Народные песни и сказы» (1958) [У Белого моря, 1958]. Остальные материалы остались в ее архиве: «Быт и фольклор деревни Лопшеньга (Северной обл., Приморского района)» (1937); «Женщина в русском народном творчестве» (1940–1943); «Гражданская война в причитаниях крестьян» (1935–1950-е гг.). Редкий материал ее архива войдет в экспозицию «Атлас Лопшеньги»¹.

¹ Мелютин М. Н., Зверева Ю. Д. Научный отчет «Историко-архивные изыскания по теме: Архив Н. И. Рождественской: полевые материалы 1930-х гг., собранные в деревнях Лопшеньга, Уна, Луда, Нижозеро»: рукопись. 2018 г. // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 26.

Лопшарь Павел Кренёв (П. Г. Поздеев) (1950 г. р.) – автор восьми сборников рассказов и повестей, член Союза писателей России, лауреат нескольких первых всероссийских литературных премий, золотой медали имени Василия Шукшина, воспел родную деревню в своих книгах «Река детства» и «Краски Белого моря». В рассказе «Этюды акварелью» он написал: «Мне повезло, я родился у моря. В том, что мне действительно очень повезло, я совершенно убежден и всегда считал и считаю, что люди, не жившие рядом с морем, сами того не ведая, лишились возможности познать неоглядность и синеву, настоящий размах и силу. Живущие рядом с морем мне кажутся несравненно более добрыми, размеренно спокойными и мудрыми. Эту доброту и мудрость дарит им море. У меня было две няньки: море и бабушка Агафья Павловна»².

Советский прозаик Ю. П. Казаков, тонко и глубоко чувствующий Русский Север, сравнивая его со среднерусскими ландшафтами, пишет: «Ничего здесь нет нашего, среднерусского. У нас летом сенной дух по лугам, дороги среди ржи или пшеницы, яблоки и вишни в садах, частые деревни, гуси ходят по деревням, пыльные автомашины и комбайны. И здесь – глянешь вдруг из окна, увидишь угол амбара, картошку под окном, дрожащий теплый воздух над щепной крышей, и дрогнет сердце – повеет нашей Русью. Но переведешь взгляд дальше, и уже звучит деревянная музыка Севера. И пахнет здесь иначе – пахнет карбасами, песком, рыбой. Что-то здесь присутствует, какая-то сила в этих домах, и людях, и этой природе, которая делает Север ни на что не похожим...» [Казаков, 2017: 490–491].

Ю. П. Казаков записывает в своем дневнике: «После каждого приезда я писал что-нибудь о Севере. Мои очерки стали переводить на всевозможные языки. Чего скрывать – писателю приятно, когда его читают в Италии, в Америке, во Франции. Но тут, честное слово, мне было более радостно за моих героев! Мне приятно было думать о том, что сидит сейчас где-нибудь в Праге или в Марселе какой-нибудь мой читатель, попивает себе там бордо или кальвадос и читает про поморов, на свой испанско-английский лад выговаривая наши имена.

Я не мог пользоваться всем этим богатством, которое каждый раз открывалось передо мной, мне нужно было приобщить к своему счастью кого-нибудь, и я в очередную поездку на Север взял с собой Женю Евтушенко. Ах, думал я, пусть он напишет о Севере стихи! Мы были вместе в Архангельске два раза, и оба раза на нас обрушивалось столько впечатлений, что мы прямо-таки стонали от наслаждения, клянясь друг другу не забывать Север. И я

² Кренев Павел (Поздеев П. Г.). Этюды акварелью [Электронный ресурс]. – URL: <https://libking.ru/books/great-story/571423-pavel-krenev-etyudy-akvarelyu.html> (дата обращения: 09.12.2018).

рад еще был просто за поэзию, потому что Евтушенко после многих своих американских и парижских стихов написал потом обширный цикл стихов о Севере. Будь моя воля, я бы посылал по очереди на Север всех самых талантливых московских поэтов и прозаиков» [Казаков, 1986: 163].

С Ю. П. Казаковым связан самый большой предметный ряд в завершающей экспозиционной зоне: фотографии писателя с местными жителями, письма к М. А. Репиной, в чьем доме любил останавливаться писатель в Лопшеньге, видеозапись с вдовой прозаика Т. М. Судник и др.

Словами Юрия Павловича Казакова, прекрасно выразившими глубокий и проникновенный дух Севера, предлагается завершить экспозицию: «Нет! Не ездите вы на Север, не губите себя! Всю жизнь тогда не будет он давать вам покоя, всю жизнь будет то слабо, то звонко манить к себе...» [Казаков, 1986: 165].

Своеобразная «переписка» между М. М. Пришвиным и Ю. П. Казаковым, чьи слова начинают и завершают музей, возможно, позволят посетителю лично осмыслить и воспринять эту удивительно живую и ладную поморскую деревню Лопшеньгу.

Представленный вариант музейной экспозиции с принципом отбора, группировки и интерпретации экспонатов является на данный момент лишь проектным предложением. Наши размышления о репрезентации наследия связаны не с линейной хронологической подачей информации, а с пониманием и представлением ценностей обычных людей, живущих на берегу Белого моря в деревне Лопшеньге. Это новое направление экспозиционной деятельности в настоящее время активно развивается в мировой музейной практике, свидетельством чего является высказывание директора Египетского музея в Турине Кристиана Греко на 24-й Генеральной конференции ИКОМ в 2016 г.: «Задача музеев настоящего и будущего – рассказывать не о государстве, а о человеке. Надоели музеи, которые пытаются поведать историю какого-либо сообщества, организации, нации, государства. Мы все осознаем, что истории обычных людей будут намного богаче, важнее и подарят нам больше радости, чем история всех народов, вместе взятых»¹.

Список литературы

Бернштам, 1988 – Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988.

Брюсов, 1928 – Брюсов А. Я. Что представляют собой стоянки на Летнем берегу Белого моря // Труды секции археологии. Вып. 3. М.: РАНИОН, 1928. С. 3–8.

¹ Греко Кристиан. Выступление на Методологическом семинаре «Музеи мира – XXI век» 23 сентября 2016, Милан [Электронный ресурс]. – URL: http://museolog.ruh.ru/pdf/381_ICOM_ICOFOM_Milano_2016.pdf (дата обращения: 09.12.2018).

Галимова, 2012 – Галимова Е. Ш. За волшебным колобком: мифопоэтический аспект мотива пути в координатах художественного пространства северного текста русской литературы // Н. П. Анциферов. Филология прошлого и будущего: по материалам Международной научной конференции «Первые московские Анциферовские чтения». Москва, 25–27 сентября 2012 г. / отв. ред.-сост. Д. С. Московская. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 400–403.

Гемп, 1983 – Гемп К. П. Сказ о Беломорье. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1983.

Кабинина, 2011 – Кабинина Н. В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011.

Казаков, 1986 – Казаков Ю. П. Две ночи: Проза. Заметки. наброски. М.: Современник, 1986.

Казаков, 2017 – Казаков Ю. П. Избранное. М.: Книжный клуб 36.6, 2017.

Максимов, 1984 – Максимов С. В. Год на Севере. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984.

Мальцев, 2011 – Мальцев Н. В. Народное искусство Северного Поморья // Этнокультурный ландшафт Кенозерья: междисциплинарное исследование на пересечении естественных и гуманитарных наук: сборник материалов Четвертой научно-практической конференции / сост. М. Н. Мелютина; отв. ред. Е. Ф. Шатковская. Архангельск: ЗАО «Партнер НП», 2011. С. 32–44.

Матвеев, 1969а – Матвеев А. К. Субстратная топонимика Русского Севера / А. К. Матвеев // Вопросы языкознания. – 1964. – № 2. – С. 70–74.

Матвеев, 1969б – Матвеев А. К. Происхождение основных пластов субстратной топонимики Русского Севера / А. К. Матвеев // Вопросы языкознания. – 1969. – № 5. – С. 51–52.

Пришвин, 1982 – Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1.: Произведения 1906–1914. М.: Худож. лит., 1982.

Рождественская, 1952 – Рождественская Н. И. О рыбаках, морских зверобоях и охотниках. Народные сказы, сказки, песни и частушки, пословицы. Архангельск: Арх. обл. гос. изд-во, 1952.

Рождественский, 1963 – Рождественский В. В. Записки художника. М.: Советский художник, 1963.

Русские частушки, 1956 – Русские частушки / предисл. и отбор текста Н. И. Рождественской и С. С. Жислиной. М.: Гослитиздат, 1956.

Савич, 1921 – Савич А. И. Соловецкая вотчина в XV–XVII вв. М., 1921.

Сартр, 2000 – Сартр Ж.-П. Тошнота: Роман; Стена: Новеллы. М.: ООО «Издательство АСТ», 2000.

Сказы, 1941 – Сказы и сказки Беломорья и Пинежья / запись текстов, вступ. ст. и коммент. Н. И. Рождественской. Архангельск: Архгиз, 1941.

Теребихин, 2004 – Теребихин Н. М. Метафизика Севера. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2004.

У Белого моря, 1958 – У Белого моря: Народные песни и сказы: сборник / сост. Н. И. Рождественская. Архангельск: Архангельское книжное издательство, 1958.

Флоренский, 2004 – Священник Павел Флоренский. О Море и о Соловках // Постыжение Соловков. Очерки и материалы / редкол.: В. В. Аксютин-Лаушкина и др. М.: Товарищество Северного Мореходства, 2004. С. 141–169.

Шергин, 1990 – Шергин Б. В. Изящные мастера. М.: Молодая гвардия, 1990.

КОНДРАТОВА Галина Александровна – независимый исследователь, доктор философских наук, доцент (г. Архангельск)

КРЕХАЛЕВА Елена Анатольевна – преподаватель Архангельского педагогического колледжа, кандидат культурологии (г. Архангельск)

КУЗНЕЦОВА Валентина Сергеевна – аспирант кафедры культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск)

КУЗНЕЦОВА Светлана Юрьевна – аспирант кафедры транспорта, хранения нефти, газа и нефтепромыслового оборудования Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск)

МАКСИМОВ Антон Михайлович – старший научный сотрудник лаборатории социокультурной динамики арктических регионов Российской Федерации Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени академика Н. П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук, кандидат политических наук, доцент (г. Архангельск)

МЕЛЮТИНА Марина Николаевна – начальник отдела изучения и интерпретации историко-культурного наследия Национального парка «Кенозерский», кандидат философских наук, доцент (г. Архангельск)

НЕНАШЕВА Марина Викторовна – доцент кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, кандидат философских наук, доцент (г. Архангельск)

ПОПОВА Людмила Дмитриевна – профессор кафедры культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, доктор культурологии, доцент (г. Архангельск)

СМЕТАНИН Владислав Александрович – краевед (г. Архангельск)

СОКОЛОВА Александра Александровна – доцент кафедры водно-технических изысканий Российского государственного гидрометеорологического университета, доктор географических наук, доцент (г. Санкт-Петербург)

СПАСЕНКОВА Ирина Валентиновна – заведующий кафедрой теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент (г. Вологда)